

26.09.92

Матвеев Е.

Евгений МАТВЕЕВ:

Сов. Татария. - Казань. - 1992. - 5 сент. - с. 8

«ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ СВОЕЙ...»

Имя и облик этого киноактера и режиссера известны десяткам миллионов зрителей как в России, так и за ее пределами. Не был он обойден и официальным признанием — государственным и общественным. Народный артист СССР и РСФСР, лауреат государственных премий СССР и РСФСР, депутат, делегат партийного съезда, секретарь правления Союза кинематографистов... Он и сегодня не мыслит своей жизни без кино. Продолжает снимать и сниматься, общаться со зрителями.

— Едва начавшись, перестройка буквально потрясла кинематографический мир тогдашнего СССР. И вас, Евгений Семенович, как и ряд других известных мастеров экрана, отодвинули с передовой линии кинематографа, которому вы отдали жизнь. Что вы тогда испытывали?

— Я живой человек. Сердце не камень. Я очень драматически переживал ситуацию. Может быть, это не столько меня оскорбило, сколько я оскорбился за дело, которому мы служим. Мне показалось, что молодые люди, несомненно талантливые, не видят перспективы, не видят того, ради чего, во имя чего мы живем и работаем. Ведь что было на V съезде Союза кинематографистов? Вытащили сабли наголо, выскочили из леса, крикнули «ура!», срубили головы, все разрушили, объявили себя «прорабами перестройки». А потом быстро собрали VI съезд и... тихо ушли. А мы все сейчас на пепелище. Структуры

разрушены — организационные, производственные. Никто до сих пор не знает, что дальше с нами будет! Но это одна сторона. Разрушилась, на мой взгляд, и духовная структура. Ведь обидели, оскорбили людей, которые честно служили своему делу, зрителю. Они замолчали, сохранив достоинство, но каждый подумал: «Да, наверное, я постарел. Да, наверное, я консервативно мыслю». Истерзана наша душа, ведь каждый из нас по ночам разговаривал с подушкой. И вот прошло несколько лет, и, мне кажется, началась переоценка ценностей. Сергей Александрович Соловьев сделал недавно очень правильный жест: он написал нам письма. В них есть такая строчка: «Проестите, кажется, мы вас обидели. Вернитесь в Союз кинематографистов».

— Ваши фильмы «Любовь земная», «Судьба» вошли в так называемый клуб «олимпийцев зрелищности». В этом клубе, как помнится,

всего 22 отечественные картины, которые в течение уже первого года их проката собрали более 50 миллионов

зрителей. В наши времена рассчитывать на такой успех, пожалуй, никому не приходится. И все же могли бы вы

сделать сейчас фильм, который вызвал бы всеобщий интерес?

— Мне кажется, извините

за нескромность, я знаю, что надо зрителю сегодня.

В чем, на мой взгляд, наша беда? Нам дали свободу, а мы к ней не готовы — ни морально, ни этически. И пошел беспредел. Вчера нам не позволили показывать черную сторону жизни, и мы утверждали лишь прекрасное. Сегодня дали свободу показывать безобразное. И мы видим только это. Противобестественная ситуация! Классик сказал: «Человек рожден для счастья». Это Горький (сейчас и его оплевывают). Ну сделайте человека счастливым! Это ворон 350 лет каркает, это черепаха 250 лет ползает. А человек живет очень мало, ну дайте ему веру. У него отняли все: сначала Бога, теперь веру в коммунистическое будущее. У него сейчас ничего нет. А кто же человека поддерживает, когда у него руки опустились? Он же на мир смотрит уставшим и измученным. Мы должны поддерживать его. И глубоко убежден, что сегодня нужны фильмы, оздоравливающие душу.

Вот показывают с разных сторон, будто любят, как сбрасывают памятник Ленину. Думайте обо мне что хотите, но только антихристы способны на такое. Как можно так в душу плевать?

В Саратове на встрече со зрителями я получил занесение. Вдумайтесь в ее содержание. Она меня жжет. «Евгений Семенович, когда ваше кино перестанет нас унижать?» Какая горечь в этой фразе: не унижайте! И все равно унижают. Можно говорить что угодно: да, мы

плохо живем, да, мы неверно развивались, что угодно, но люби ты мать свою, детей, сестер, землю люби! Это же общее наше горе. Общее! Нет, хихикают. И в кино это прорывается. А при этом мы хотим, чтобы зритель шел на такие «трудные фильмы».

— О чем вас чаще всего спрашивают зрители?

— Обязательно спрашивают: «Как вы играли Брежнева?» Уже устал отвечать. Надо закрыть эту тему. Я артист, и мне все равно, кого играть — Леонида Ильича или Змея Горыныча. Часто интересуюсь: «Как вы относитесь к Макару Нагульнову?» Так же, как и прежде. Потому что книга Шолохова — это художественный документ времени. Рвем волосы, вспоминаю о том, как мы коллективизацию проводили, скоро начнем рвать волосы при мысли о том, что мы натворили в годы перестройки.

Кто сейчас герой? Всякая мразь — проститутка, наркоман, рэкетир. А где человек? Совесть, честность, патриот? Это слово почему-то стало почти в кавычки брать, почти оскорбительно звучит. Пропал крестьянин с экрана. Сегодня это несправедливо. Но сегодня кто-то кормит еще нас. А рабочий? Если он есть на экране, то обязательно это пьяница, опустившийся человек. Кто сказал, что наша классическая литература была без высоких примеров? Толстой, Чехов, Достоевский, Бунин — разве у них нет персонажей, с которых надо делать жизнь? У нас напрочь уничтожили понятие положительного героя.

Кино делят на престижное и непрестижное. Для умных и дураков. Это глубочайшая ошибка. Почему «Богатыи тоже плачут» и «Рабыни Изаура» покорили всю страну? Да, это мелодрама, четкий, понятный сюжет, разделены герои на плохих и хороших. Но, слава Богу, сегодня хоть мелодраму не поносят оскорбительными словами. Раньше, если не удалась картина, — это мелодрама. Ну какая разница, как кидать в душу человека зерна, которые прорастают добром?

— Извините, Евгений Семенович, опять о Брежневе. Кажется, не так давно вы снялись в картине «Клан», где снова его играет. Чем вас привлекала эта роль?

— Дело в том, что в фильме «Солдаты свободы» я играл Брежнева-генерала. Помните, он к концу войны был уже генералом. И еще не было у него этих «кхе, кхе». Равно как и мыслей, что он будет когда-нибудь генсеком. Я отказывался от этой роли, страдал невыносимо, не потому, что надо было играть Брежнева. Мне это даже lystало, и было интересно сыграть генсека при его жизни. Но роль-то слабо написана. Там всего три маленьких эпизода. Я, конечно, понимал, что брови наклею и буду меня узнавать. Но отказывался, потому что ничего не давала мне эта роль как художнику. Мне всегда хочется создать образ, характер, а там нечего создавать. Поэтому я просто не знал, что делать. Кроме того, там все время это «г»: «генералы», «гвардейцы».

Как мне это прозвонить? И дело дошло до Суслова. Это не анекдот. Я Озерова донимал: что делать? «Гэкать» — Брежнев может обидеться, не «гэкать» — зритель снакет: чего это он? Режиссер спрашивал у Суслова, как быть. И тот ответил: «Все говорят, что я «окаю», а я не «окаю». Стало вроде бы ясно, что надо «гэкать». Но как?

И тут меня выручила знаменитая испанская легенда. Какой-то король, у которого не было одного глаза, пожелал иметь портрет. Пригласили художника. Тот написал. Король увидел, что он без глаза, и велел художника повесить. Пригласили второго. Он уже в курсе дела. Изображает король с двумя глазами. Повесили и этого живописца — лакировщика. Приглашают Гойю. Когда король увидел работу великого художника, то велел осыпать его золотом. Что сделал Гойя? Он написал короля в момент прищипывания, когда тот прищипнул глаз. Гениальное решение. И я подумал: а не выбросить ли мне из роли все «г»? И, не предупреждая Озерова, это было в Праге, я сосредоточился и нашел другие слова, без «г». И вот съемки. Озеров сидит высоко на краше. Десятки тысяч людей... и в шеренге идет Брежнев. Край опускается, крупный план на Брежнева, я произношу свой текст. Услышав его, Озеров встал и сказал мне: «Спасибо, старик».

Истати, меня часто спрашивают: как оценил эту роль сам Брежнев и много

ли я с ним общался? Я с ним никогда не общался. Что же касается его оценки моей работы... Вручали орден Трудового Красного Знамени киностудии «Ленфильм». В середине 70-х годов. Я возглавлял делегацию московских кинематографистов. Собрались в зале для гостей и ядали Романова. Стоим, входит Романов. Я случайно оказался рядом. Он спрашивает: «Хочешь знать, как смотрел фильм «Солдаты свободы» Леонид Ильич? Идет картина, вдруг появляется ты на экране. Иена Брежнева говорит: «Леия, по-моему, это ты». А Брежнев в ответ: «Нет, это Матвеев, артист». Когда ты второй раз появился, Леонид Ильич сказал: «Наверное, я. Брови мои».

Когда мне предложили опять сыграть Брежнева в фильме «Клан», я отказался. Надоело. Однако прислали сценарий. Леонид Ильич уже старик, дряхлый, плохо видит, слышит, ходит. Наверное, и воображает плохо. И весь в славе своей: в орденках и звездах. Я думаю, это же интересно, это характер, которого не могло быть в первой картине. В «Клане» есть сцена, где гневный генсек отчитывает заместителя генерального прокурора Найденова (в фильме Надеина). Словом, совсем другой, захватывающий для актера поворот. И я сыграл эту роль.

Недавно мне предложили сумасшедшие деньги за новую роль — опять Брежнева. Но я решительно отказался, потому что, как мне показалось, там много надуманного.

Вообще не стоит превращать исторические личности в клоунов. Это не по-христиански. Это некрасиво. Когда-то ведь тот же Брежнев был о-о-чень хорошим. Опускаться ниже планки, которую я установил для себя, не хочу.

Я остаюсь коммунистом. В самом лучшем, глубинном понимании, идущем от сердца. Помните, был такой «Моральный кодекс строителей коммунизма»? Из десяти пунктов, и все из Евангелия. Почему же я должен отказываться от этого? Коммунист — это для меня высокое понятие. Я говорю об идее, а не о партийных правителях...

— С КПСС, похоже, все более или менее ясно. Но сколько расплодилось у нас в последнее время других партий самых разных цветов и оттенков. И чаще всего совсем крошечных. А у вас нет намерения основать новую коммунистическую партию?

— А я уже создал свою партию, — улыбается Евгений Семенович. — Она называется ЖПСС. Неблагозвучно? Расшифровываю: жить по собственной совести. Я избрал себя председателем этой партии, я ее единственный член, плачу взносы и на них гуляю. Виктор Боков узнал об этом и написал строчку: «Лес стоит — никому не нужен, храм стоит — никому не нужен, я стою — никому не нужен. Что же делать? Стоять на своем!»

Беседу вели Ольга ВАСИЛЬЕВА и Альберт ПИН. («Деловой мир»).